

Все это не будетъ гадательнымъ, если: во-1) будетъ сплоченность и сочувствіе всѣхъ народныхъ учителей этой идее, во-2) если они проявятъ свое непосредственное, активное участіе въ проведеніи ея въ жизнь.

Кромѣ того, не откажутся помочь такому симпатичному дѣлу тѣ учрежденія и лица, которыя заинтересованы въ развитіи народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, т. е. М. П. П., земскія и городскія самоуправленія, мѣстная учебная администрація, для которыхъ такое учрежденіе должно быть дѣломъ близкимъ, почти своимъ.

П. Вас. Андр.

Свадебные обычаи Онежанъ прежде и теперь.

Свадебные обычаи онежанъ въ старину были совѣмъ не тѣ, что остались теперь. Полѣтка назадъ, по рассказамъ стариковъ и старухъ, брачныхъ церемоній было гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Всѣ свадебные обряды и обычаи стали сокращаться и упрощаться, и отъ древнихъ церемоній теперь остались только жалкіе остатки. Вотъ какъ рассказываютъ старики и старухи про свои свадьбы, бывшія 50 и 60 лѣтъ тому назадъ.

Тогда, какъ и теперь, у онежанъ были вечеринки, начинавшіяся осенью, послѣ Покрова, продолжавшіяся весь Филипповскій постъ и достигавшія своего „зенига“ на святкахъ. На вечеринкахъ происходило смотрѣ невѣсты и выборъ ихъ женихами, а кряду же послѣ святокъ начинались свадьбы. Мисоѣдъ отъ Крещенія до Масляницы и теперь остался самымъ свадебнымъ,—такъ было и въ старину.

Памѣтны себѣ невѣсту, женихъ прежде всего спрашивалъ согласія своихъ родителей,—и если старики не „подорили“ ему сватать на такой-то дѣвницѣ,—то парень съ отцомъ, дядей или братомъ отправлялся на сватовство. Вѣздили сватать всегда на *конѣ*, кобылу впрягать жениху не полагается; конь бываетъ въ хорошей, блестящей сбруѣ, впряженный въ маленькія санки съ ковромъ. Сватъ садится на правую сторону саней, а женихъ на лѣвую. Пріѣхавъ въ деревню, гдѣ есть невѣсты, „женихи“ (свата съ женихомъ) всегда зовутъ почему-то во множественномъ числѣ) останавливались у кого-нибудь знакомаго, и уже оттуда сватъ ходилъ въ домъ невѣсты.

Дѣло сразу никогда не рѣшалось, и если родители невѣсты не желали отказывать, то собирали всю свою ближнюю родню, и цѣлыя сутки проходили въ совѣтахъ; но у невѣсты согласія не спрашивали; желаетъ или не желаетъ она идти замужъ—объ этомъ много не беспокоились. Часто бывали случаи насильной выдачи дѣвницы, при чемъ, невѣста всячески упирается, реветъ, ругается и поноситъ своего жениха,—но на это родители не обращаютъ вниманія, равно и женихъ, вѣря въ пословицу, что „стернися—слюбится“.

Когда всѣ собранные родственники послѣ долгихъ обсужденій найдутъ, что дѣвицу можно выдать за пріѣхавшаго жениха, то родители ея посылаютъ кого-нибудь за „большимъ сватомъ“, какъ называется сватъ, чтобы онъ шелъ вмѣстѣ съ женихомъ на „рукобиты“.

Въ это время домъ невесты бываетъ биткомъ набитъ собравшимися со всей деревни народомъ. Невѣста до прихода жениха сидитъ на лавкѣ, но лишь онъ переступить порогъ, какъ она опрометью бросается въ другую половину горницы или въ сѣни, а то и за печь. Женихъ помолится передъ иконами, поздоровадается со всѣми и лишь тогда спроситъ про невесту. А ее дѣвицы, ея подружки, всячески прячутъ и укрываютъ отъ жениха и лишь послѣ того, какъ женихъ угоститъ конфектами или другими лакомствами дѣвицъ—онѣ тогда приводятъ невесту.

Невѣста здоровадается съ женихомъ, и затѣмъ, помолясь Богу, всѣ садятся за огромный, составленный изъ нѣсколькихъ столовъ, „рукобитный“ столъ. Женихъ садится рядомъ съ невестой, направо отъ нея; съ женихомъ рядомъ сидитъ свать, за сватомъ ближайшіе родственники невесты, все мужчины. По лѣвую сторону невесты сидитъ ея сестра или подруга и далѣе всѣ дѣвицы, ея подружки и ровесницы.

Противъ будущихъ молодыхъ на столъ ставится „микушка“, большой ржаной хлѣбъ съ солянкой наверху. Затѣмъ на столъ приносятся огромный подносъ съ дюжиною чайныхъ стакановъ, и свать изъ-подъ стола достаетъ полуведерный боченокъ съ виномъ. Вино на рукобиты бываетъ отъ жениха, но разливаютъ его родственники невесты. Когда пьютъ всѣ двѣнадцать стакановъ, то всѣ сидящіе за столомъ встаютъ и нѣсколько минутъ молятся передъ иконой съ зажженной свѣчей или лампадой. Затѣмъ всѣ садятся. Первые стаканы подносятся жениху съ невестой. Женихъ иногда, для „смѣлости“, выпиваетъ весь стаканъ залпомъ, а невеста только омочить губы. Потомъ подчуютъ свата и остальныхъ мужчинъ, сидящихъ за столомъ. Послѣ мужчинъ угощаютъ виномъ всѣхъ дѣвицъ, подругъ невесты, а далѣе пьютъ весь народъ, находящійся въ домѣ, всѣхъ отъ стараго до малаго, при чемъ, это угощеніе для постороннихъ называется „пучеглазнымъ“, но обойти никого нельзя.—такъ требуютъ обычаи. Многие, особенно ребята и подростки, пьютъ отъ одного стакана, но за первой „рядовой“ идетъ вторая, потомъ третья, и съ каждой минутой народъ дѣлается веселѣе и шумнѣе.

Послѣ рукобитья бываетъ уговоръ, сколько женихъ долженъ заплатить за невесту, *) и назначается срокъ до вѣнчанія, а также дни „смотрѣнья“—попиманье и „колечко“. Когда все это будетъ порѣшено,—то всѣ выходятъ изъ-за стола, и начинаются танцы—открывается первая свадебная вечеринка. Теперь въ домѣ невесты вечеринка бываетъ каждый вечеръ вплоть до отъѣзда къ вѣнчанію, и изъ ближнихъ деревень привозятся дѣвицы-гости. Днемъ эти дѣвицы помогаютъ шить приданое невесты, а также подарки жениху.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья женихъ пріѣзжаетъ со всей своей родней смотрѣть невесту; это называется „смотрѣнье“. Родственники жениха ѣдутъ иногда лошадей на пятнадцать, и этотъ обозъ называется „поѣздомъ“. Пріѣзжая въ деревню невесты ночью, поѣздъ ярко освѣщается факелами, зажженными старыми бураками, кошелями, порочками и т. п. Встрѣчать гостей выбѣгаетъ вся деревня; ѣдутъ съ пѣснями и виномъ. Останавливаются опять не у невесты, а у кого-нибудь посторонняго, чаще у того же, гдѣ стояли женихи, пріѣхавъ сватать. И затѣмъ всѣ пріѣхавшіе отправляются въ домъ невесты на „смотрѣнье“.

*) Теперь, наоборотъ, деньги даютъ жениху, какъ приданое.

Слова начинается такое же пинопитіе и угощеніе, какъ было на рукобитыѣ, съ той лишь разницей, что теперь родители невѣсты угощаютъ родственниковъ жениха и не пьютъ постороннихъ, не даютъ имъ „лучеглазнаго“. Кромѣ вина, пьютъ чай, и на столахъ бываютъ разные лакомства. Послѣ смотрѣнья пріѣхавшіе пожилые гости уходятъ на свою квартиру, а молодежь остается танцовать. Поутру „поѣзжане“, родственники жениха, на своей квартирѣ устраиваютъ для родителей невѣсты и ея родни ширъ-угощеніе,—это называется „пониманье“. Что это слово означаетъ, понять трудно. Также пьютъ, поютъ, гуляютъ, какъ и на предыдущихъ пирахъ, но невѣста на „пониманьи“ не бываетъ. Затѣмъ гости всеѣмъ поѣздомъ уѣзжаютъ домой съ громкими пѣснями.

Еще черезъ нѣсколько дней женихъ снова пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ подарками,—даритъ шелковый платокъ, матерію на платье и кольцо,—это говорить: „женихъ пріѣзжаетъ съ колечкомъ“. Пріѣзжаетъ онъ лишь вдвоемъ со сватомъ, безъ всякой свиты, и вина этотъ разъ пьется гораздо меньше. Также садятся за столъ, женихъ рядомъ съ невѣстой, угощаются, и затѣмъ женихъ на подносѣ подноситъ своей невѣстѣ подарки,—она ихъ съ поклономъ принимаетъ,—и церемонія „колечка“ тѣмъ заканчивается. Теперь женихъ бываетъ послѣдній разъ въ домѣ невѣсты *женихомъ*, а послѣ пріѣзжаетъ уже *молодихомъ*.

Женихъ послѣ рукобитья ѣздитъ къ священнику за благословеніемъ, затѣмъ привязываетъ къ дугѣ три колокольчика и все время отъ рукобитія до вѣнчанія разѣзжается съ громкимъ звономъ колокольчиковъ вдвоемъ съ какимъ-нибудь молодымъ парнемъ, не сватомъ, по своимъ родственникамъ,—зоветъ ихъ на свадьбу. На свадьбу зовутъ не только близкихъ родственниковъ, какъ двоюродныхъ и троюродныхъ, но „четвероюродныхъ“ и разныхъ кумовьевъ, крестовыхъ братьевъ, сватовъ, хорошихъ друзей и т. д. Вступая въ домъ, гдѣ нужно позвать на свадьбу родственника, женихъ и его товарищъ обращаются къ нему со слѣдующими словами:

„Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! NN... (называется имя) просимъ тебя къ татенькѣ, къ маменькѣ хлѣба-соли покушать, добрыхъ рѣчей послушать, а ко мнѣ на законный бракъ! Просимъ покорно! просимъ покорно!“ (3 раза). И при этомъ три раза кланяются въ поясъ передъ каждымъ приглашаемымъ; тотъ, въ свою очередь, тоже кланяясь, благодаритъ за приглашеніе. И сколько бы въ домѣ ни было людей, даже постороннихъ, всеѣмъ чужихъ и незнакомыхъ жениху—онъ обязанъ *всѣмъ* позвать на свою свадьбу вышеприведенными словами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ женихъ зоветъ гостей, его угощаютъ виномъ. Онъ вездѣ присаживается, вездѣ пьетъ и къ вечеру каждаго дня напивается до безчувствія, равно также и его товарищъ.

Наконецъ, всѣ родственники обзованы, все къ свадьбѣ пригото- влено, и наступаетъ день отпирать „дружекъ“ за невѣстой. Дружками всегда бываютъ удалые ребята, краснобы и шутники, которые умѣютъ шутить и дѣло дѣлать. Лопадь у нихъ мѣстныя дѣвцы всячески украшаютъ: въ гриву и въ хвостъ вилетаютъ ленты, къ сбруѣ навязываютъ бубенчиковъ, а къ дугѣ тоже три колокольчика; четвертый колокольчикъ дружки берутъ въ руки. Самихъ дружекъ дѣвцы также украшаютъ: на рукава тулуновъ навязываютъ ленты, къ шанкѣ пришиваютъ составленную изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ „звѣзду“, такую же звѣзду

прикалываютъ къ груди. И наканунѣ дня вѣчанія дружки, сопутствующие пѣвными дѣвнцъ и бабъ, а также изрядно выпивъ, уѣзжаютъ за невѣстой.

Въ домѣ же невѣсты въ послѣдній день ея пребыванія въ дѣвнцахъ до пріѣзда дружекъ устраивается „запlachка“. На запlachку ходятъ, зовутъ по деревнѣ всѣхъ сосѣдей, и обязательно присутствуютъ всѣ бабы и дѣвнцы. Когда соберется полный домъ сосѣдей, невѣсту садятъ въ „большой“ красный уголь, надрѣваютъ на голову жемчужную „перевязку“ и покрываютъ большимъ платкомъ. Но лѣвую руку невѣсты садится „стиховодница“, женщина, хорошо знающая и поющая подобающія случаю старинныя свадебныя пѣсни. Такихъ стиховодницъ бываетъ немного, и лучшую изъ нихъ постоянно возятъ по запlachкамъ даже въ дальнія деревни. По правую руку невѣсты садится ея отецъ, а если его нѣтъ въ живыхъ, то старшій братъ или кто-нибудь изъ ближнихъ родственниковъ мужского пола. Стиховодница начинаетъ жалобную пѣсню; нѣкоторыя бабы, знающія тѣ пѣсни, помогаютъ пѣть, и невѣста, сначала слабо, а потомъ все сильнѣе и громче начинаетъ „плакать“, захвативъ за шею отца или замянивающего его, при чемъ, приговариваетъ: „зачѣмъ отдасте меня въ чуже-дальнюю сторону? зачѣмъ гоните изъ родного дома? Родимый батюшка! зачѣмъ продаешь меня чужимъ людямъ?“... и т. д., а плачь ея переходитъ уже въ сильный ревъ. Послѣ отца къ невѣстѣ садятся мать, и съ ней повторяется то же самое, тѣ же слова и причитанія, лишь ревъ усиливается, и невѣста долго не выпускаетъ изъ объятій матери. За матерью, поспѣшно, къ невѣстѣ садятся братья и сестры, вообще, всѣ ближайшіе родственники; и когда „отплачутъ“ всѣ родственники, то приходитъ очередь и до дѣвнцы, подружки невѣсты. Съ ними невѣста тоже долго плачетъ, рассказывая изъ стороны въ сторону и обхвативъ заразъ двухъ подружекъ. Въ концѣ запlachки невѣста теряетъ свой голосъ и только уже хрипитъ, а также и стиховодница устаетъ пѣть пѣсни—и не диво—запlachка иногда продолжается часа три. Послѣ запlachки начинаются послѣднія приготовленія невѣсты.

А въ это время дружки уже находятся въ деревнѣ невѣсты, но на запlachкѣ не присутствуютъ,—тутъ имъ быть не полагается. И лишь когда запlachка кончится, они съ колокольчикомъ въ рукѣ приходятъ къ дому невѣсты,—но ихъ туда не пускаютъ, и они, постучавъ у сѣней, уходятъ обратно, громко позванивая.

Вслѣдъ за первымъ посѣщеніемъ дружекъ въ домѣ начинается послѣдняя печальная церемонія—расплетенія у невѣсты ея дѣвичьей косы. До этого собираютъ ужинъ, но за столъ садятся лишь невѣста и ея подружки-дѣвнцы; бабы же не сидятъ. Послѣ ужина, когда все уберутъ со стола, дѣвнцы съ пѣснями приступаютъ къ расплетенію косы у невѣсты. И когда расплетутъ дѣвичью косу, волосы разсыплются по плечамъ, и невѣстѣ подадутъ ленту изъ ея косы, „косоплетку“, то она этой лентой нещадно начинаетъ хлестать своихъ подружекъ, плача и ругаясь за такое ихъ „преступленіе“. Она ихъ хлопаетъ не только лентой, но колотитъ кулаками по чему попало, царапаетъ ногтями, шипитъ, рветъ за волосы и входитъ въ настоящую злобу. Избиваемыя кричатъ, визжатъ, мечутся во всѣ стороны, но изъ дому не убѣгаютъ.

Мало-по-малу все успокаивается, и невѣста утихаетъ. Когда кончится эта кутерьма, дружки приходятъ второй разъ къ дому невѣсты, и снова стучатся. Въ сѣни выбѣгаютъ дѣвнцы и спрашиваютъ: „Кто

стучить? Дружки отвѣчаютъ:—Купцы хорошіе, гости пригожіе! и звонятъ колокольчикомъ въ рукѣ.

„Что вамъ надо?“—снова спрашиваютъ ихъ дѣвицы.

— Прислалъ насъ князь (называютъ имя жениха) за товаромъ. Въ этомъ домѣ есть подторгованный имъ товаръ. Мы пріѣхали по его порученію да по Божьему соизволенію. Впустите насъ!

„Нѣтъ! не пустимъ васъ. Можетъ быть вы разбойники,—кто васъ знаетъ?“—шутятъ дѣвицы. „Не пустимъ!“

— Господи, Іисусе Христе!—мы честные купцы, удалые молодцы, ребята-хваты, и пріѣхали мы къ вамъ не съ порожними руками. Нашъ князь (имя жениха) прислалъ для васъ много подарковъ: прищипковъ, леденцовъ, серебра, черенцовъ (вѣроятно, червошцевъ). Красныя дѣвицы, ягодныя пагубницы, грибовъ разорительницы, на полѣ вонительницы, да впустите насъ! А вотъ прищипки для васъ!

Послѣ такихъ прибаутокъ дѣвицы отпираютъ сѣни, и дружки, громко побрякивая колокольчикомъ, входятъ въ домъ невѣсты. Невѣста же въ это время куда-нибудь прячется, ее прикрываютъ разной одеждою; по обѣимъ сторонамъ ея садятся вернувшіеся изъ сѣней дѣвицы, которыя тоже закрываются платками, и дружкамъ предоставляется отыскивать ту, которую имъ надо. Снова съ шутками и смѣхомъ они приступаютъ къ розыскамъ невѣсты и сначала пересмотрятъ всѣхъ подругъ ея, а уже потомъ найдутъ будущую „княгиню“. Удостоившись, что она жива и здорова, дружки, угостивъ лакомствами дѣвицъ за открытіе сѣней и пожелавъ невѣстѣ и ея роднымъ спокойной ночи, уходятъ на свою квартиру, гдѣ и остаются до утра. Невѣста ложится спать послѣднюю ночь въ родительскомъ домѣ; спать она, окруженная дѣвцами-подругами, какъ надежною стражею; въ ту ночь вечеринки болѣе не бываетъ.

По утру рано дружки со звономъ колокольчика третій разъ приходятъ въ домъ невѣсты—будить ее. На этотъ разъ они стучатся у дверей съ молитвою, и съ молитвою ихъ впускаютъ въ домъ. Затѣмъ они идутъ въ ту половину дома, гдѣ спитъ невѣста, и звономъ колокольчика будятъ ее... Невѣста встаетъ, умывается, молится, и начинаютъ послѣднія приготовленія къ отъѣзду ея изъ родительскаго дома; дружки въ это время поятъ чаемъ и виномъ, но они своего порученія не забываютъ и часто встаютъ изъ-за стола и торопятъ хозяевъ, чтобы поскорѣе справляли невѣсту. Когда невѣсту одѣнутъ и благословятъ родители иконою,—ее дружки выводятъ изъ дому, садятъ въ сани, а рядомъ съ нею ея крестную мать, „большую сватью“, сами садятся въ переднія сани и увозятъ въ церковь. Бабы, сбѣгающія со всей деревни, поютъ свадебныя пѣсни, и дружки съ невѣстою и еще двумя сватьями назадъ скрываются изъ виду.

Послѣ отъѣзда невѣсты готовится поѣздъ съ приданнымъ. Всѣ коробки, ящики, вся одежда, посуда кладется въ нѣсколько саней, а въ переднія сани кладутъ постель, подушки и одѣяла, и на тѣ сани на постель садятся родители невѣсты, и когда всѣ ихъ родственники приготовятся къ отъѣзду, поѣздъ трогается къ дому жениха.

Женихъ къ вѣнчанію уѣзжаетъ со своимъ крестнымъ отцомъ, который въ это время называется „тысяцкимъ“, и сидитъ отъ тысяцкаго на лѣвой сторонѣ саней. Тысяцкій правитъ лошадей.

Пока проеżdитъ въ церкви обрядъ вѣнчанія, все то время къ дому жениха подъѣзжаютъ по трое и по четверо въ саняхъ родствен-

ники жениха, имъ приглашенные на свадьбу. Каждое семейство привозитъ съ собою т. н. „мякушку“, ржаной хлѣбъ отъ 10 до 20 фунтовъ вѣсомъ, и по приходѣ въ домъ кладетъ ее на столъ,—„мякушка на свадьбу“. Такихъ мякушекъ привозится не одинъ десятокъ...

Въ ожиданіи пріѣзда молодыхъ отъ вѣнца все населеніе деревни высыпаетъ на улицу,—не даромъ и пословица есть такая: „у сестѣда свадьба—всей деревнѣ праздникъ“.—мужики устраниваютъ своего рода „триумфальныя ворота“, вывѣшиваютъ флаги, а бабы и дѣвщины при видѣ подъѣзжающаго со звономъ колокольчиковъ свадебнаго поѣзда,—горланять пѣсни. Если же дѣло происходитъ поздно вечеромъ, то по обѣимъ сторонамъ дороги становятся пустыя старыя бочки, кладутся кучки полѣненья, бросаются снопы соломы, и все это передъ пріѣздомъ молодыхъ зажигается, и, кромѣ того, ребята бѣгаютъ встрѣчать новобрачныхъ съ зажженными факелами.

Отъ вѣнца ѣдутъ на первой лошади дружки, а за ними молодые, которыхъ везетъ тысяцкій; при въѣздѣ въ деревню молодые все время кланяются встрѣчающему народу, и молодикъ бросаетъ деньги за пѣсни и флаги. Потомъ весь брачный поѣздъ въѣзжаетъ по въѣзду въ сарай дома родителей жениха, и ворота сарая закрываются,—народа первое время въ домъ не пускаютъ.

Родители молодика, встрѣчая новобрачныхъ, благословляютъ ихъ иконою, затѣмъ однихъ молодыхъ кормятъ обѣдомъ и поятъ чаемъ, и уже потомъ начинается пиръ, „большой столъ“. Въ это время пріѣзжаютъ „рожики“, родственники молодой съ ея приданымъ, и всѣ они усаживаются за столъ. На стѣнѣ надъ молодыми прибавляются двѣ „вѣнчальныхъ“ иконы, на нихъ вѣсятся полотенце, и зажигаются свѣчи... Вольшой столъ тянется очень долго; въ продолженіе его молодая нѣсколько разъ „продздравляетъ“, т. е. цѣлуетъ своего мужа, и для этого они оба встаютъ... Вино во время пира льется, какъ вода, гости пляшутъ, дѣлаются все шумливѣе и безпокойнѣе... Тутъ молодые выходятъ изъ-за стола, и начинается „сбираніе банника“.

Молодикъ беретъ въ руки графинъ съ виномъ, а молодая—маленькій подносъ съ одной рюмкой. Новобрачный наливаетъ эту рюмку, а новобрачная подноситъ ее сначала свекру. Тотъ рюмку вынимаетъ и въ нее опускаетъ монету; потомъ также подчюютъ свекровь, и она тоже кладетъ въ рюмку деньги. И далѣе такимъ образомъ обходятъ всѣхъ родственниковъ, а потомъ всѣхъ присутствующихъ въ домѣ; и всѣ пьютъ и всѣ даютъ деньги молодой. На банникъ она набираетъ порядочную сумму. Послѣ банника отъ имени молодой дарятъ ей родители всѣхъ ближайшихъ родственниковъ молодика, начиная со свекра; подарками служатъ разныя матеріи,—для мужчинъ панталоны и брюки, а для женщинъ на кофточки и юбки, а также платки. Послѣ же того молодыхъ благословляютъ и уводятъ спать,—въ нетопленую горшницу, чуланъ или клѣтъ, хоть будь морозъ градусовъ въ 30. Благословляютъ черезъ растянутую на полу шубу; и при этомъ въ старину былъ обычай, что не только первую ночь, но и всю первую зиму молодые спали въ холодномъ помѣщеніи, окутываясь шубными одѣялами. И послѣ того, какъ молодыхъ унедутъ спать, пиръ еще долго продолжается, до самаго утра; гости пьютъ вино, поютъ пѣсни, пляшутъ, шумятъ, и нерѣдки случаи запоя до смерти наиболѣе усердныхъ нестремителей вина.

На другой день дружки уже безъ колокольчика ходятъ будить молодыхъ, при чемъ, колотятъ въ тазы и сковороды. И когда молодые

встануть, снова для гостей собирается „блинный столъ“, гдѣ первымъ блюдомъ подаются горячіе блины. Также опять пьютъ и поютъ. Послѣ блиннаго стола родители молодой уѣзжаютъ домой, предварительно пригласивъ къ себѣ всѣхъ новыхъ родственниковъ на „хлѣбины“, и дома дѣлаютъ приготовленія для послѣдняго свадебнаго шара.

И поздно вечеромъ того дня, или утромъ на другой день (уже третій послѣ вѣщанія) молодые безъ колокольчика и на переднихъ санихъ отправляются къ отцу и матери молодой на „хлѣбины“. За ними ѣдутъ дружки, тысяцкіи, сваты, свекоръ со свекровью и всѣ ихъ родственники; поѣздъ состоитъ изъ двухъ или трехъ десятковъ саней и изъ 40—60 человѣкъ гостей... Тестъ съ тещей тоже стараются не ударить въ грязь лицомъ; дѣлаютъ большія приготовленія, чтобы угостить родню зятя, покупаютъ много вина, разныхъ лакомствъ, и, главное, теща печетъ бѣлые блины, чтобы покормить ими зятя. И хлѣбины проходятъ также шумно и весело, какъ и всѣ предыдущіе „столы“... На разсвѣтъ всѣ гости разъѣзжаются по домамъ, а молодые остаются погостить и почуютъ ночь или двѣ въ домѣ тестя. Потомъ они уѣзжаютъ въ домъ молодого, и для нихъ топятъ баню, туда молодые ходятъ вдвоемъ, вмѣстѣ... Банею заканчиваются всѣ свадебныя торжества и гулянія, и далѣе жизнь идетъ уже обычнымъ путемъ.

Такъ происходили свадьбы у онежанъ въ старину, но теперь онѣ совершаются уже не такъ. Пыль часто парень съ вечеринки уходитъ сватать, не спрашивая ни совѣта, ни благословенія у родителей, лишь заручившись согласіемъ невесты, и первымъ дѣломъ объявляетъ свою „цѣну“—сколько онъ намѣренъ требовать денегъ съ невестой въ счетъ приданаго. „Цѣна“ бываетъ отъ 25 до 100 рублей, и если послѣ торговъ и взаимныхъ уступокъ получится согласіе на бракъ, то женихъ на рукобитіи и получаетъ всѣ деньги впередъ, „авансомъ“. Въ случаѣ, если пріѣдетъ свататься другой женихъ на той же невестѣ, „на перебой“, и откажутъ первому,—то деньги, выданныя первому жениху, за нимъ и остаются, и для родителей невесты принадлежатъ. Такіе случаи бывають не рѣдко. Затѣмъ, теперь не бываетъ ни „смотрѣнья“, ни „поиманья“, и даже съ „колечкомъ“ ѣздитъ не каждый женихъ; старинныя церемоніи мало-по-малу забываются, но вся тягость свадебныхъ расходовъ перешла на сторону невесты: родителямъ дѣвницы нужно выдать деньги жениху и справить свадьбу, не говоря про приданое, которое дѣлается все богаче и роскошнѣе сравнительно съ прежнимъ. Теперь не рѣдко кладутъ приданымъ и самовары съ приборами, и всѣ селско-хозяйственныя орудія для невесты,—косу, серишъ, грабли, книги, пріузы, конорулю и т. д. Но этому справедлива онежская пословица, гласящая: „нѣтъ хуже бѣды, какъ нять дѣвокъ“. И дѣйствительно, съ каждой дочерью крестьянской семьѣ нужно отдать постель, три подушки, три одѣяла, три постельника, не говоря уже про ея наряды, которые обходятся очень дорого, и про всѣ свадебные расходы...

Зато онежскимъ женихамъ теперь приволье: не имѣя ни конейки своихъ денегъ,—онѣ, отправясь сватать, получить и деньги, и жену и возы приданаго, и всѣ свадебныя расходы падутъ на его тестя. И чѣмъ болѣе проситъ денегъ женихъ съ невестой, тѣмъ онъ самъ становится цѣннѣе. Былъ случай, когда одинъ женихъ сваталъ, не прося денегъ,

то этого жениха всё считали ненормальнымъ и вездѣ ему отказывали. Въ другомъ случаѣ женихъ спросилъ лишь 5 руб., но это приняли за насмѣшку.

Такъ измѣнились онежскія свадьбы сравнительно съ прежними,—лишь одно осталось неизмѣннымъ,—вино по старому берется ведрами, отъ 3 до 10, и на свадебныхъ пирахъ льется рѣшкой.

В. Гл.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 26 іюля. Было заслушано слѣдующее письмо Н. В. Месодіева, полученное на имя Предсѣдателя Правленія:

„Милостивый Государь

Петръ Герардовичъ!

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, докладъ г. Иванова „Сѣверъ и Земство“, читанный въ собраніи Архангельскаго О-ва изученія Русскаго Сѣвера, будетъ напечатанъ въ журналѣ Общества.

Докладъ этотъ, составленный въ высшей степени тенденціозно, является продолженіемъ кампаніи, которая ведется лично противъ меня газетою „Сѣв. Утро“. Составленъ онъ сотрудникомъ „Сѣв. Утра“ и принятъ къ печатанію членами редакціонной комиссіи Общества, сотрудниками той же газеты.

Кампанія противъ меня была начата еще ранѣе журналомъ Архангельскаго О-ва изученія Русскаго Сѣвера, помѣтившимъ въ 1908 г. направленную противъ меня статью, весьма непристойную по формѣ и по содержанію.

Я тогда не реагировалъ на эту непристойность потому, что всякая гнусная выходка дискредитируетъ лишь тѣхъ, кто ее совершаетъ. Само Общество тогда устыдилось и для контроля за редакторомъ назначило редакціонную комиссію.

Теперь въ журналѣ Общества имѣетъ совершиться такой же личнаго характера выпадъ, лишь болѣе приличный по формѣ.

Мнѣ кажется, что Общество, въ интересахъ сохраненія своего достоинства, не можетъ допускать на страницахъ своего журнала свѣдѣнія личныхъ счетовъ между отдѣльными своими членами.

Въ виду этого я обращаюсь къ Вамъ, какъ Предсѣдателю Общества, съ просьбой поставить вопросъ о напечатаніи упомянутого доклада г. Иванова въ журналѣ Общества на обсужденіе и рѣшеніе Правленія и недопускать печатанія доклада прежде, чѣмъ выяснится отношеніе къ нему со стороны Правленія Общества изученія Русскаго Сѣвера.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи П. Месодіевъ.

Послѣ обмена мнѣній было поставлено на голосованіе слѣдующее предложеніе: „Считаетъ-ли пужнымъ Правленіе ознакомиться со статьей г. Иванова „Сѣверъ и Земство“, рассмотрѣнной и одобренной редакціонной комиссіей въ числѣ 4 членовъ и сданной уже въ печать, прежде чѣмъ она будетъ выпущена въ свѣтъ“.

Предложеніе это большинствомъ противъ одного голоса, при 2-хъ воздержавшихся отъ голосованія было отклонено.